

В. А. Граждан

**КРОВАВАЯ ПАСТЬ
ЮГРЫ**

Валерий Аркадьевич Граждан
Кровавая пасть
Югры (сборник)
Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959480
Кровавая пасть Югры: Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907045-7-2

Аннотация

О прозе можно сказать и так: есть проза, в которой герои воображённые, а есть проза, в которой герои нынешние, реальные, в реальных обстоятельствах. Если проза хорошая, те и другие герои – живые. Настолько живые, что воображённые вступают в контакт с вообразившим их автором. Казалось бы, с реально живыми героями проще. Ан нет! Их самих, со всеми их поступками, бедами, радостями и чаяниями, насморками и родинками надо загонять в рамки жанра. Только таким образом проза, условно названная нами «почти документальной», может сравниться с прозой условно «воображённой».

Зачем такая длинная преамбула? А затем, что даже небольшая повесть В.Граждана «Кровавая пасть Югры» – это как раз образец той почти документальной прозы, которая не уступает воображённой.

Повесть – остросюжетная в первоначальном смысле этого определения, с волками, стужей, зеками и вертухаями, с атмосферой Заполярья, с прямой речью, великолепно применяемой автором.

А в большинстве рассказы Валерия Граждана, в прошлом подводника, они о тех, реально живущих \служивших\ на атомных субмаринах, боевых кораблях, где героизм – быт, а юмор – та дополнительная составляющая быта, без которой – амба!

Автор этой краткой рецензии убеждён, что издание прозы Валерия Граждана весьма и весьма желательно, ибо эта проза по сути попытка стереть модные экивоки с понятия «патриотизм», попытка помочь россиянам полнее осознать себя здоровой, героической и весёлой нацией.

Виталий Масюков – член Союза писателей России.

Содержание

Мы – жившие на Камчатке	5
Ад при жизни	7
Зек в Урмане	14
Глава первая. Консервы из «Свиньи»	14
Глава вторая. С год продержаться	22
Глава третья. Кто есть кто.	27
Глава четвёртая. Снова на этап	33
Глава пятая. Без документов и в тайге тяжело	38
Глава шестая. Охота накануне	40
Глава седьмая. Побег первой пятёрки	48
Глава восьмая. Индийский кровавый крант (Индийский крант – убийство бензопилой)	53
Глава девятая. Штурм колонии	57
Глава десятая. Жить – значит реки переплыть	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Валерий Граждан

Кровавая пасть Югры

Мы – жившие на Камчатке

Не sluкавлю, если скажу: кто прожил на Камчатке, хотя бы десяток лет, тот всю жизнь будет жить ею. Камчатка прошла через всю мою и частью – моих детей жизнь. Родился не ко времени и не у места: в Югре, что в переводе «Долина смерти» и под конец войны. Сибирская деревня, безграмотная бабушка, корова, покосы, огород и колхоз. Ко всему школа шестилетка в двух избах с соломенной крышей. Клуб из саманного кирпича и кинопередвижной на быках. Первые трудовые в 10 лет.

Пахать, косить и читать книжки начал почти одновременно. Фантазировал напропалую и выступал на колхозной сцене. Я в школу отпросился в 7 лет, хотя большинство шло в 10–12. Родителей не было, а бабушке моя школа – лишняя морока: «Токма карасир зимой жечь!»

В шестом классе сбежал в город. Череду тёток, мачеху с отцом поменял на отчима с матерью. Приморье, Забайкалье, экспедиция, кирпичный завод и тачки с глиной. Столярный цех, вечерняя школа с фронтовиками и пивной в подвале. Куйбышевский авиационный институт вечером и сборка ящиков

на морозе – днём. Четыре с гаком – служба на АПЛ в Рыбачьем. Мурашки от холодной войны. Первая кругосветка на перегоне плавбазы.

Институт, аспирантура, семья, сын, снова Камчатка и моря. Дочка в канун Дня подводника. Чудильник на пятилетку. Квартира к десятилетию сына и Дню ВМФ на СРЗ. Походы, рыбалка, охота, рацпредложения и сдача кораблей на ходовых испытаниях. Перестройка и хана всему.

Материк, пустая квартира. Невыплата пенсии, ремонт весов на базаре и посуточная вахта в кочегарке. Первые статьи в газетах. Своя газета и главред в ней. Инвалидность, слепота и свои книги. Дети на Камчатке и в Штатах: идиотизм времени. Оптимизм, память и сюжеты. Читайте во благо: приключения, юмор, путешествия – всё, чем жил и живу.

Граждан Валерий, Камчатка-Ульяновск

Ад при жизни

Она сидела за холодильником на корточках и тихонечко плакала. Ирочка почти не всхлипывала, чтобы не расстраивать маму. Мама Таня лежала поблизости у стены. Вот уже который месяц она недвижима и почти не разговаривает. Несчастливая лишь тихонечко издавала звук, схожий с просящим мяуканьем голодного котёнка. Так она просила дочку справиться утку или ещё что. А чтобы малышке было легче совладать с её неподатливым телом, больная практически не ела. Но в комнате не было запахов фекалий и мочи, неизбежных при лежачей больной. Ирочка пчёлкой вилась подле матери, когда та выказывала просьбы с помощью жестов рук или интонации голоса.

Девочке едва исполнилось десять лет, когда их семью постигла страшная беда. Маме Татьяне на работе по трагической случайности нанесли травму головы. И её, по сути чуть живую, с черепно-мозговой раной отвезли в реанимацию. Прошла неделя, другая, месяц, но молодая женщина не выздоравливала. И врачи начали готовить Татьяну Ефремову к выписке, как безнадежную больную. Её муж Николай запил, когда ещё Татьяна лежала недвижимой в больнице. Дома не стало даже хлеба. Да и семьи-то не стало. Николай и раньше был истинным бирюком. Многие дивились выбору Тани: «И чего ты в нём нашла!..» А так вот случается в жизни: девичье

счастье мало предсказуемо. С виду вроде пригож, немногословен, трезвый (пока знакомы). А потом ведь жди, когда тебе снова кто предложит замуж... На заводе дали им комнату в коммуналке: Татьяну на работе считали перспективной: бухгалтер с высшим образованием и на хорошем счету. Николай же был из разряда тех, к кому «претензий от руководства не имеется». И вся характеристика.

С рождением Ирочки её мужёнок всё более отдалялся от семьи. То «с друзьями посидел», либо «задержался на работе», а то и «попросили остаться во вторую смену». К дочке новоявленный отец был более чем равнодушен. Так что росла Ирочка как молодая веточка на берёзке первогодке: беззащитная ко всем ветрам и невздам. Любой прохожий проходя мог нанести им рану. Так и повелось: чем жила Татьяна сама, то и передавала дочке. Безропотно переносила козни и пьяные выходки мужа, оберегая дочурку. И вот случилась эта трагедия...

Едва маму свезли в реанимацию, как папа перестал приходить домой вообще. Из кухни, которая была на две семьи, неслись вкусные запахи и пьяный смех. У молодящейся соседки шёл «приём» очередного «мужа» на ночь. И если девочка попыталась хотя бы согреть для себя чаю, то получала затрепину грязной тряпкой от холостячки: «Развели нищету! Пожрать спокойно не дадут. Все в рот заглядывают! Вон отсюда!» Вот и всё на этот день. А завтра, когда тётя Зина уйдёт на работу, она вскипятит свой чайник, наполнит бокал

и аккуратно смахнёт в него крошки со стола. Даже недоеденные засохшие корки брать боялась: скаредная Зина могла и кулаки в ход пустить, коли чего заметит.

С выпиской мамы жизнь теперь уже двух женщин превратилась в ад. Даже выйти в туалет малышка опасалась в присутствии фурии. Однажды случился беспредел. Началось не просто гонение девочки с кухни, туалета, а даже из коридора. В ход пошли уже кулаки. Это случилось, когда Ира задержалась в туалете: надо было замыть утку из-под мамы. Разъярённая молодка ударила беднягу в лицо и пнула её ниже пояса: «Скорее бы вы сдохли, нищенки!» Выбитая из рук утка покатила вдоль коридора. Дверь в комнату с приездом Татьяны закрывать не могли: Ирочке надо было бегать в магазин купить на оставшиеся от пенсии деньги хотя бы хлеба и иногда молока, в аптеку, ходить в школу. В её отсутствие могли приходить к больной разные люди: из больницы, церкви, собеса, с работы... Но приходящих и приносящих хоть малую толику становилось с каждым днём меньше. На лекарства уходили почти вся пенсия и детское пособие. Приходили старушки из церкви и давали поесть, но более читали молитвы. Всё, буквально всё легло на плечи более, чем осиротевшей девочки. А вскоре папа ушёл от них совсем, забрав даже стол, где Ира делала уроки. Теперь она решала задачки лёжа на полу. Были ещё два стула и икона в углу: её принесли из церкви. Патронажные сёстры в свои нечастые визиты делали «всё, что им положено» и уходили. Если удавалось

купить лекарства для систем, то сёстры их ставили. А «на нет и суда нет». И Татьяна начинала подвывать и корчиться от боли. Ирочка не находила себе места. Как-то из Москвы приехала сестра Ефремовой из столицы и закупила лекарств на солидную сумму. Помогла с лечением. У больной начала налаживаться речь. Могла поворачивать тело под утку и подмывание. Оставив немного денег, москвичка уехала. Сестра была не из бедных, но и постоянно печься о несчастных попросту не могла. Сама серьёзно болела.

Социальные службы приходили лишь удостовериться, что «инвалид первой группы Ефремова дышит и пульс нормальный». Теперь кто упомнит, что они там писали в отчётах... Одно помнится хорошо, что ни едой, ни одеждой их особо никто не баловал. Ну, разве что благотворительные тапочки, да байковый халат. Попервоначально приходили подруги с предприятия. А чаще ломились пьяные соседи с матом и избиением. Были даже попытки изнасиловать парализованную Татьяну. Похотливо тискали даже Иринку. От нервного и физического перенапряжения слегла Ирочка. Татьяна плакала по ночам от беспролазных горя и бед. Хотелось одного: умереть, чтобы сохранить жизнь дочке. Даже бывшие подружки по школе перестали посещать свою одноклассницу: им было стыдно за бедствующую семью и они чурались от визитов. И девочка-подросток стала превращаться в согбенную старушку с сетью морщин на лице. Букет её болезней был тоже присущ старцам. Она увядала и чуть ли не чах-

ла. Шли годы. Татьяна в отсутствии Иринки молила Бога забрать её к себе и избавить от мук дочку. Но тот лишь молчаливо взирал из иконостаса, считая видно, что отпущенные муки не исчерпаны.

Финал в этой истории был легко предсказуем. Его удостаиваются почти все мамы-инвалиды, оставшиеся наедине с болезнями и... детьми. Спасения по-настоящему в таких семьях ждать неоткуда: только недельные системы для поддержки больного с ЧМП (черепно-мозговая травма) обходятся в пару пенсий. О прочих лекарствах и речи нет. Список лечебных средств для льготной выдачи был составлен как минимум неким инквизитором. В нём не числилось НИ ЕДИНОГО эффективного (понимай – дорогого) лекарства. И, попав в «лоно льготного лечения» инвалид был обречён на смертный одр, коли не обладал от рождения геркулесовым здоровьем. Зато страна в целом «боролась за демографический рост». Прямо как в той больнице: «Температура пациентов в целом нормальная, включая морг.»

И решились подружки калеки пойти «за правдой в мир». Пригласили к Ефремовым и повели обо всём. Пожалуй, доходчивее всех, хотя и с трудом рассказала сама Татьяна.

– Сейчас Ирочки со мной нет. Она совсем занемогла. Приходят ко мне знакомые, подруги... Приносят немного покушать. Спасибо им... А то соседи ругаются, что мы кушать часто готовили. А мы не могли часто готовить, нам почти не из чего. Да и Ирочка просто физически не успевала. Тогда

мы ложились спать голодные. Даже если дочка вовремя не уберёт с плиты чайник, либо кастрюлю, соседка врывается к нам, орёт и даже дерётся. Сбрасывает нашу посуду прямо на пол. Мы подбираем, ведь есть-то всё равно больше нечего. Ирочка мне жалуется: «Мамочка, я боюсь выходить на кухню, там тётя Зина орёт на меня и бьёт тряпкой в лицо.» А после этого дочка вообще есть не может. У неё постоянно болит голова, ноги, руки и от постоянных голодовок-живот. «Мамочка, мне плохо... Я ничего не могу делать». Ляжет на пол и встать не может. «Мама, как я хочу убежать от них, чтобы никогда не видеть!» А я ничего сделать не могу, чтобы защитить своего ребёнка. Болезнь не хочет отступать. Я ей всё детство загубила. Даже не всякий взрослый выдержит такую нагрузку. То кушать, то стирать, то туалет за мной. И мне невыносимо больно. Пусть бы мы жили отдельно, а то ведь даже ручки с кранов снимала, чтобы мы не пользовались. Я молю Бога, чтобы мне хотя бы смочь сидеть. Это такое счастье! Я даже научилась гладить и стирать мелочь на животе. Всё дочке легче, ведь она ещё ребёнок...

После этого интервью прошло ещё полгода хождения по кабинетам власти. Но всё таки мегеру отселили в отдельную отремонтированную квартиру в престижном районе. Довелось возить эту выдру на смотр предлагаемой квартиры. Так она заявила: «А почему этой чахоточной оставили двушку, а мне однокомнатную?!» Я лишь молча сжал кулаки и стиснул зубы.

И вместо послесловия. Иришка закончила университет. Зарабатывает на жизнь и покинула родной Ульяновск, то есть осела вдали от наших полунищенских пенатов. А Татьяна переезжает из лечебницы в лечебницу. Неизрасходованная энергия за многие годы неподвижности даёт себя знать. Её ещё молодой организм начинает преодолевать недуг. Приезжая изредка в СВОЮ квартиру, она раскатывает на коляске беспрепятственно. Теперь даже моется сама. На её похорошевшем моложавом лице появлялся лучик счастья. Теперь у неё есть будущее. Ад остался позади и навсегда.

Зек в Урмане

Глава первая. Консервы из «Свиньи»

В разгаре была забайкальская весна 1957 года, когда произошла эта таёжная встреча. Беглый зек с кликухой «Щербатый» сидел поодаль в свете моего костра, звали его Мирон. Он говорил вполголоса, будто беседовал, а скорее исповедовался перед самим собой. Сивков – это была его фамилия, совершенно не опасался меня как свидетеля. Для блатного Щербатого борзой мальчуган с карабином на листовнице был просто ПОКА живой собеседник. Загвоздка была лишь в собаке, что время от времени рычала в кустах подле юного хозяина. Её можно пришить лишь метким броском армейского штыка, снятого с охранника. Но нужно выбрать момент-верняк. А его пока не было. Занять, отвлечь мальчишку – вот что заставляло Щербатого вести нескончаемый монолог. Он привычный к выжиданиям. Это уже в крови.

Мирон более трёх месяцев шёл к людям. И... опасался их. Встреча со мной сулила Щербатому всё, о чём он только мечтал. Это, прежде всего карабин и патроны. Еду, спички, соль... Всё это станет доступным после того, когда достанет меня «на глушняк», то есть в качестве трупа. И даже не просто трупа, а мясной туши весом с полцентнера. Этого, по

его прикидке хватило бы на пропитание при отсидке в тайге недели на две-три. Сейчас он был голодней волка.

Нужно было сменить рваные шинель и форму охранника ИТУ на одежонку таёжника. Моя для него была маловата.

Беглец был уверен, что стрелять я в него побоюсь: молодой очень. И наша встреча – его шанс выйти к людям. Позади у Щербатова было три отсидки. Сивков (по последним документам, а это был он) обзавёлся кликухой «Щербатый» ещё в фабрично-заводском ВТК (трудовой воспитательной колонии) для малолетних преступников. Драки в таких ВТК, как видно, поощрялись администрацией: легче управляться с неуживчивыми малолетними «урками». И зубы ему выбили в том же «зверинце» – ВТК аккурат в 14 лет, в 1921 году. Этой ценой и сломанным ребром хулиган заплатил за масть блатного зэка. Судя по его рассказу, у него трое ходок-сроков и один побег. Сейчас – во втором. Статьи судимостей – по крутой восходящей, начиная с «хулиганки». Последняя – «по совокупности» за всё и по отдельности, плюс за побег.

Здесь поведаю лишь отдельные эпизоды его походов, частично соблюдая уголовную терминологию. Ведь с тех пор минуло более полувека и детали этой встречи несколько поистёрлись жизнью в памяти. Но тогда на кону стояла именно она – моя жизнь. Уж такое не забывается.

Визави начинал уголовку малолеткой с «бакланов» – хулиганской 206-ой статьи. «Чалился», то есть пребывал в местах «не столь отдалённых» более двух десятков лет в сум-

ме. Первый червонец «баклан» досиживал уже «козырным фраером», «поднявшись на взросляк», то есть во взрослую зону. Ещё накануне отправки бывалые арестанты предупредили молодого зэка о «прелестях» этапа: приклады, собаки и проблема на сортир. Поэтому ещё за сутки большинство осуждённых не ели и не пили.

На этапе их высадили в тупике невесть какой станции из «вагзаков» – вагонов для заключённых («столыпиных») и усадили неподалёку от товарной станции на корточки. Мирон вздумал справить по ходу дела большую нужду. За что на него шикнули зеки: «Ты чё, падла, совсем фаршманулся! Вали подальше!» И парень, было привстал с корточек, чтобы отойти в сторону. Но тут же получил удар прикладом по рёбрам. Заорал конвойный: «Сидеть, гад! Ещё дёрнешься, – пристрелю!» Все ржали, а Щербатый заскрипел зубами от боли и обиды, а головой тут же ударил обидчика в бок. Бедолагу мигом затравили собаками и били сапогами. Вертухаи – охранники делали это в охотку, даже не дав одеть парню штаны.

В довершении нарушителя порядка занесли в кондуит. А это гарантировало ему увеличение срока и «особняк» (особый режим заключения). Блатные ржали: «Высрался на эшафот» и схлопотал полосу в ксиву!» А красная полоса в документах – ксиве арестанта-отметка о склонности к побегу.

В тюрьме-пересылке отлёживался в больничке. Считай – повезло. Могли и вовсе пристрелить. В пересыльной тюрь-

ме подолгу не держали. И для него этап продолжился опять в вагоне – «столыпине» до самого Нерчинска и новой пересылки через Якутск.

А уж от него был самый страшный перегон на этапе: по льду Лены. На носу был 1926-ой год. Голодали все в России, а уж экам и подавно не ахти чего перепадало. Спали на лапнике, прямо на льду вдоль берега. Иногда в каких-то заброшенных бараках. Бежать было бесполезно: верная смерть. Волки преследовали конвоируемых доходяг буквально по следам. Охрана не обращала на них внимания.

Всё происходило как в немом кино. Кто-то, совсем обесилев, падал на лёд. Сознавая бесполезность своих действий, охранники нехотя пинали обречённого. Действовали скорее для порядка. И оставляли волкам. Пойма реки оглашалась диким смертным криком заживо раздираемого в клочья заключённого. Колонна замирала от ужаса. Было отчётливо видно, как исчезал в окровавленных пастях только что живой человек. Он сопротивлялся своей ужасной смерти до конца.

Затем слышался окрик конвойного: «Ну чего рты раззявили! А ну, пошёл, пошёл!!» И люди шли. Подгоняемые более волками, нежели штыками. Блатные отбирали у «мужиков» последнюю птюху (кусочек) хлеба. И, если у кого на этапе обнаруживался «подогрев» в виде еды или одежды, то всё это почти целиком переходило паханам и фраерам. Пытаясь сопротивляться, «мужики» не из блатных получали «перо в

бок», то есть финку или заточку. Раненый и ослабший упав, почти сразу исчезал в пастях стервятников. Тайга оглашалась следующим душераздирающим воплем. Весь путь этапиремых был усеян костями. Смерти на этапе списывались. Случалось на станциях пересылки охрана смеяла ради и «для отчёта» (принял столько-то, сдал одинаково) прихватывали пьяных и бродяг.

Итак, заключённые постигали сотни вёрст до своей зоны. Нередко прибывший этап осуждённых делили на несколько зон. Оставшиеся уходили ещё дальше к Полярному кругу. Кто-то вернётся назад...

Второй, последний побег Щербатый сделал из зоны, коих в Забайкалье не счесть. Путь одолел немалый. Самое трудное осталось позади. Теперь ему любой ценой следовало одолеть свой последний этап, но уже к вольной жизни. Так что волю, он почти осязаемо, почти болезненно чувствовал. Сидящий у костра говорил нарочито откровенно, как бы бахвалился. Самые кровавые эпизоды чуть ли не смаковал. Теперь, как ему казалось – всё позади. Да и возраст: месяц назад гражданину Сивкову минуло пятьдесят. Если что осталось от жизни, то огрызок лет в двадцать, не более. Рудники и лесоповал здоровье вряд ли укрепляли.

Война для зеков была не менее смертоносной, чем на фронте. Полегло не меньше, чем от пуль на фронте. А потом, если и были разнарядки от ИТУ на передовую, так туда брали далеко не всех. Хотя никто от них не скрывал, что на-

правляют в штрафбаты. А там, ясное дело: «Смыть кровью преступления перед Родиной или умереть!» Многие, отчаявшись терпеть голод и постоянные издёвки от режима, просились на фронт. Но лес тля фронта был ценнее их жизнью.

Теперь всё продумано: следов и свидетелей не оставлять. Хватит «толкать порожняк» и сюсюкаться. Ещё год – полтора в лесхозе, а лучше в экспедиции – там можно выправить нормальный документ, пока достанет тот, что припас в схроне. А в воровском общаке ему причиталась приличная сумма. Да в заначке «закурковано» тоже немало. Там же хранилась «ксива» – документы, по которым он «трудился в условиях Крайнего Севера», так, что безбедная старость ему обеспечена. Хватит «рога мочить» (сидеть срок) по зонам и тюрягам. И будет он по блатным понятиям – «прошляком», вышедшим из дела честным воров.

Для себя он всё решил, и моя персона его интересовала не более чем мышка кошку. А скорее как пресловутая «корова» или «кнсерва» для съедения при коллективном побеге ЗЭ-Ков из глухоманного пенитенциария, что на языке юристов и есть та самая «зона». «Корову» вели с собой изначально как соучастника побега, но резали и свежевали для съедения при необходимости. На роль «коровы» предполагали кандидата ещё при подготовке побега. Случалось, что и подкармливали «для привеса». Кровь и мясо убиенного затаривали в рацион оставшихся «паханов» для поддержания сил и продолжения задуманного маршрута.

В любом случае по замыслу Щербатого мои запасы и оружие доставались ему. А карабин позволит достать нехитрую одежку с любого таёжника. Теперь уж его план не должен сорваться. Это был последний шанс выбраться живым и дожить оставшиеся годы на воле. И он перегрызёт горло любому, кто окажется на пути.

Ещё в первые полтора, относительно снежных месяца побега, свою доля зоновских «коров» – «консерв» была съедена. После такого дележа «трапезы» по не писаному закону уголовников все расходились. Побег продолжали в одиночку. Всё просто: уж больно велик был соблазн превратить оставшегося попутчика в очередную «консерву» уже втихую. Слышал я об этих «традициях», а по-сему держался как мог настороже. Мирон у разведённого накануне мной костра, я же, пристегнувшись ремнём к суку дерева.

Тогда я сидел, устроившись на лапнике лиственницы. Там же было собирался поспать. Но «соседство» напрочь исключало любую попытку сделать это. Поэтому, слушая Щербатого, меня одолевало желание сделать ВСЕГО один выстрел ему в голову и заснуть тут же у пахучего ствола.

Ночевка воочию с незримым доселе «попутчиком», пусть не лучшим образом, была первая за двое суток. Чужого поблизости учуял мой верный пёс Шайтан двумя днями раньше. По поведению пса было понятно, что неподалёку чужой ЧЕЛОВЕК. А это означало, что спать подле костра уже опасно: весь на виду. Для лихого встречного в урмане это с руки:

можно и камнем убить жертву, если нет ружья. Умная собака примостилась в кустах у моей лиственницы. Я же карабин повесил на шею. Патрон загнал в патронник: клацаний затвором не потребуется. Остаётся в случае чего лишь нажать на курок.

Оружия, в виде «ствола» у моего визави не было. Иначе он без лишней мороки пристрелил меня с собакой в первый же день выхода на наш след в тайге. На своём криминальном веку убить или «завалить на глушняк» кого-либо ему было не в первой. Но под расстрельной статьёй он не ходил: не попадался. Но нынешняя ситуация явно толкала его вновь на «мокруху» – убийство.

Глава вторая. С год продержаться

В шестом классе, убежав от бабушки, я скитался по родственникам в поисках цивилизованного пристанища. В многоходовой перипетии мне удалось найти свою мать. Близился Новый, 1957 год. Она к тому времени вышла замуж за главбуха геологической экспедиции. Человека степенного и спесивого с «белым билетом» непригодного к военной службе. По национальности украинца – «западэньця». Сие расценивалось по тем временам бесспорной удачей: какой-никакой, а муж, жильё, зарплата, дрова на зиму. И вот «В таку гарну годину припёрло цю людину!» – так нередко бормотал мой отчим. Что означало на русском нечто на подобии: «Жили, не тужили и вдруг припёрло этого обормота!» Чего и говорить, моя персона на небосводе у «молодожёнов» особой радости не вызывала и сервиса наряду с бесплатными дровами не добавляла. Хотя мне и надо-то было перебиться с год-полтора. А там, в техникум или ремесленное училище на государственный кошт от ботинок, ремня и до фуражки с пропитанием и жильём.

Шла третья послевоенная пятилетка. Страна напоминала деревню после пожара: отстраивали всё и везде всем миром. В Сибири даже зверьё поубегало куда подальше от вездесущих геологов и бесчисленных беглых каторжан. Самые глухие горные участки Восточной Сибири, прозываемые урма-

ном, втихую делились между беглыми зэками и разведчиками недр. Всё чаще они делали вид, что не замечают друг друга. Хотя такой паритет не всегда вытанцовывался. Как говорят: голод не тётка. А тот же зэк вряд ли засветится в цивилильной зоне хотя бы для приобретения патронов и соли.

В глухомани образовывались «поселухи» – селения из добровольных ссыльных (они же беглые зэки), уставших мотаться по тайге беспаспортно. А немногочисленные органы не находили разумным посещение эдаких «скитов»: себе дороже и спокойней. Здесь не верили ни в бога, ни в чёрта. И законы у жителей «поселух» были уголовно – таёжные. Но в цивилизацию почти никто из них носа не совал. А органам того и надо: не будет этой публики в городах.

Мне же, сбежавшему из деревни, ошалелая жизнь устроила некий «пинг-понг» между тётками и случайно нашедшимся родным отцом. Там я задержался до первой его командировки и ругани с мачехой. Так что побегу никто не препятствовал. И вскорости меня вёз грузовик-такси крытый ГАЗ-51 в сторону Омска. Далее, приодевшись на заработанные летом деньги в новую фуфайку и байковые шаровары, резаным рикошетом от многодетной тётушки Анны Петровны я отлетел, а вернее – отъехал в Красноярск. Там предполагалась моя мать, которую вряд ли бы узнал, а посему этой мыслью разве только тешился. У бабушки была её фотография НЭПовских времён и артистки Веры Холодной. Мне было едва полтора года, когда бабушка взялась за моё

воспитание. Отца в деревне знали понаслышке. А уж про отчима мне и фантазировать не стоило.

Едва сблизился на контрольной дистанции с указанными «родственниками»-молодожёнами, как наш кортеж без бенчиков и гармошки покатил в Забайкалье. Это была Могоча, где нас ждал мороз ниже 50, должность главбуха для отчима Николая Ивановича Белобабы, лиственный сруб пятистенок на всех троих. Позже туда же привезли бесплатные дрова из толстенной лиственницы. Сенец у избы не было даже из осины. Так что жар от печки вылетал через подобие двери в обрывках оленьих шкур прямёхонько к скалам близлежащих сопок.

Это жильё ранее служило пристанищем геологов, пришедшим на исследование отысканных в горах образцов. Это называлось камералкой. Для отчима с матерью за стенкой стояло помойное ведро под рукомойником. В него же они справляли нужду. Выносил ведро уже я в сортир в углу огорода. А заодно облегчался там сам при любом морозе. Так повелел отчим. При всём раскладе я не стал любимым существом в глазах отчима, хотя и материнской любовью чрезмерно не упивался. Так что, спасибо богам, что мне ещё вообще удалось их найти. Ко всему они, пусть без особой эйфории, признали во мне родственника. И, минуя слёз встречи, определили мне койку за стенкой у умывальника. Ко всему частично поставили на кошт (пропитание) и то ладно.

Мать упивалась наличием мужа и его должностью в геоло-

горазведочной экспедиции № 20. Потом приехал ЗИС-5 «Захар» и я сгрузил чурбаны для печки. Их пилили ЗЭКи где-то в горах на просеках. Колоть надо было сразу и помногу: морозы одолевали. Мечталось, что к весне мои муки поубавятся. Не станет морозов, начнёт таять снег и сползать в речушку с огорода. Внизу усадьбы уже к весне образуется пока ещё незримая речка Олонгрушка. А та по случаю разольётся метров до ста в ширину и покатит свои и с огородов мутные воды в Амазар. А пока... по ночам, когда мороз зашкаливал даже за 55*, в горах слышались громовые раскаты. Это трескались скалы. Так что Могоча была в котловине из сопок и голых скал, как в деревенском погребе мясо среди льда. Аборигены говаривали: «Бог создал Сочи, а чёрт – Могочи!»

Едва «потеплело» до сорока мороза, и кончились зимние каникулы, как меня записали в школу. Светоч знаний была от нашей избы в пяти переходах. Вначале по торчащим из-под снега острым камням добегал до железнодорожной насыпи. Далее уже по шпалам бежал через мост. Морозный ветер пробирал стёганные штаны, что со склада экспедиции и подбородок под шапкой до самых зубов. Губы становились ледышками, пока вскачь не одолевал дверей паровозного депо. Здесь можно было отогреться и оттереть щёки и нос. Смеялись друг над другом: «А ну, скажи тпру-у!». Но замёрзшие губы выдавали нечто: «Тпп-уу»! Совершенно не спеша, мы уже ватагой шествовали по тёплым цехам, где работали почти все родители моих новых друзей. Далее, от спа-

сительного тепла депо, добежали «на рысях» к гастроному. Тут нашего брата не особо привечали: «Здесь вам не вокзал – депо! Шастают туда-сюда! Не натопишься!» Но чем дольше нас ругали, тем глубже проистекало под полушубки тепло, и растаивал иней на ресницах. «А ну марш отсель!» – орала нам вослед тётка-истопница. И мы весело бежали уже до парикмахерской. Но у входа стояли стражи тепла в тулупах и с мётлами. Но здесь тётки были не злые и, запутавшись в длиннополых овчинах, со смехом падали в сугробы, как бы проигрывая нам баталию. Клубы мороза и пара махом укутывали визжащих и негодующих посетителей. Мужчины лишь ёжились от внезапного похолодания. Но нас было уже человек двадцать: выгонять – себе дороже, надо быстрее запустить всех и закрыть двери. Выдворяли уже на счёт «три!». Мы вылетали пулей и неслись разгорячённые в школу. Центрального отопления в Могоче не было по причине «один чёрт перемерзнут!». А лиственницы кругом поселения было полным-полно.

А так как на каждом отрезке пробега нас добавлялось, то в школу уже неслась орава с сотню, а то и более. Понять, кто есть, кто, был невозможно, пока не снимут шубы, полушубки, волчьи ушанки, унты и валенки. Что водружали на вешалку, а то и попросту сваливалось в угол. Тогда ещё ничего не пропадало. В классе кого только не было: русские, китайцы, буряты, удегэйцы, хунхузы.

Глава третья. Кто есть кто.

Почти у половины моих одноклассников родители имели уголовное или попросту изрядно затемнённое прошлое. Никого это не смущало. Скажу больше: из всех школ, кроме моей деревенской я не встречал более отзывчивых, честных ребят. Это не мешало общению на «фене», знаниям законов тайги, замешанных на уголовщине и тому подобному. Напрочь не было дразнилок. Все, даже до половины девчат, владели оружием и могли ходить в тайгу даже поодиночке.

Охота, рыбалка, ягоды, огород и геологоразведка были основными средствами к существованию. Втихаря или «попутно» мыли золотишко. Любой, даже пацан, идя в тайгу имел с собой лоток для мытья золота. Но дрова и их заготовка всегда безоговорочно стояли едва не на первом после мясопродуктов месте.

Вот ими-то, дровами, я и продолжал заниматься всю зиму «в свободное от охоты и учёбы время»: колол и складывал вдоль стены. Но это был труд «западло», сиречь безрадостный, хотя, безусловно, необходимый. Но по соседству с нашей избой жили буряты. Подружились мы с моим одноклассником Галсаном, что по-нашему Гена, а в переводе «счастье». Парень учился на удивление хорошо, почти на отлично. И, если бы не широкоскулые лица, то поговору бурят не отличить от русских. Ни малейшего акцента и будто

нарочито правильное произношение, коего не у многих русских встретишь. Так что дрова часто кололи вместе. «В нашей юрте своих дровоколов хватает!» – шутил Галсан. Зимой, когда морозы переваливали за пятьдесят, а значит не идти в школу, я любил посидеть среди родни приятеля у бурятской печки-камина.

Их дом считался богатым: у добротного строения из брёвен на русский манер с постройками и крыльцом была «сэрге» – коновязь. Галсан говорил: «Безлошадный бурят – бедный бурят!» Внутри жилища почти ничего не осталось от настоящих кочевых юрт. Даже пол был настлан из толстенных лиственничных досок. А посередине стояла огромная печь на русско-бурятский манер. Будто печка с камином воедино. Хотя нечто незримое, духовное от бурятского уклада осталось. В Могоче тогда жило до десятка бурятских семейств. Нашу окраину так и именовали: улус.

Я до сих пор буквально преклоняюсь перед культурой бывших кочевников. Они поимённо знают биографии своих предков до двадцать пятого колена!! Попробуйте вспомнить своих прямых родственников хотя бы до третьего колена! А сколько сказаний, былин, сказок хранится в фольклоре любой юрты....А сама речь на русском! Причём речь богатая, даже красочная.

В бурятских семьях на стене в почётном мужском углу наряду с оружием висят струнные инструменты чанза, либо иочин (вроде наших гусель). Галсан прибегал ко мне в

шубейке нараспашку (это в пятидесятиградусный мороз!) и звал в гости. Это означало, что придут все желающие из улуса и будут слушать сказки. Исполнитель играл на иочине и пел стихи на манер частушек. Конечно же, на бурятском языке. Но певец был необыкновенно выразителен, а в дополнении мимики и музыки – ещё более. Иногда друг давал перевод. А недавно он познакомил меня... со своей женой. По родовым обычаям детей бурят обручали едва не с колыбели. И «жених» начинал выплачивать калым за невесту. Это был весьма солидный натуральный «налог» в виде скота, лошадей, денег. Я же из гостей непременно нёс изрядный кусок мяса-положенный по обычаю бурят подарок. Отчим мою дружбу поощрял соразмерно принесённому куску мяса, либо намытому сообща золотому песку.

Но даже самой трескучей зимой многие в посёлке «бежали» в тайгу за припасами. А уж буряты-цонголы из рода абагат испокон очень удачливые охотники. Часто казалось, что они не охотятся в обычном понятии, а берут положенную им от природы дань, но не более. «Тайга жить долго хочет!» – Пояснял бабай (отец) Галсана. Едва морозы позволяли и лыжня сливалась воедино, как по полклассу ребят-мальчишек уходили либо со старшими на охоту, а то и самостоятельно «куда подальше» дня на два-три с ночёвкой. Мы чаще охотились втроём: Гена, китаец Толя и я.

Зимняя ночёвка в горной тайге сродни разве что лирике под гавайским небом в сезон спаривания морских чере-

пах. Тепло от костра, бездонное звёздное небо и бесконечные рассказы о своих и чужих приключениях. Трещал костёр и в тишине тайги проникновенно звучали бурятские сказки и китайские легенды. И не всегда уразумеешь: на каком языке говорит рассказчик, хотя смысл повествования входил прямо в душу. А Луна надменно взирала на морозный мир, тишина окрест сопок и росчерки метеоров в знак напоминания о вечности.

А с китайцем Толей Се Чан Цином (в классном журнале писали Сеченцин) мы сдружились в первый же день учёбы. Он предложил мне место за партой подле себя. Толя с двумя старшими братьями жили в посёлке давно: их род третий из Се Чан Цинов, живущих в России. Их родители остались на родине – в Китае. Случалось, что они «бегали» в Китай в гости. В селение Гуолянь, не то просто Гулянь, что по-нашему вроде «просо». Гаоляновые веники оттуда были на славу для избы. Случалось, что на охоту братья брали Толю и меня с собой. Позже и летом в тайгу мы с Толяном шастали сами. Братья были классными огородниками, и у них расчудесно росло всё, что совершенно не могли возделывать другие народности в Могоче, ссылаясь на вечную мерзлоту. Мои же «родственники» даже не пытались стать огородниками и земля зарастала дикими травами. Были здесь даже великолепные горные цветы саранки: они звёздами полыхали почти повсеместно у дома. В самом задку эдакого «огорода» по весне буйно рос багульник.

А уж китайцы летом предпочитали заработки от огородов. Едва забрезжит рассвет, как «кули» – разносчики уже бежали по каменистым улочкам Могочи в своих тряпичных тапочках: «Люка, редиза, чеснока!!» – Звонко рекламировали свою зелень. Кому надоедала их «реклама» говорили: «Ходя, соли надо!?» На что китаец ругался по-своему и уже кричал в другом переулке: соль для них была табу.

Мы же с напарниками вместе и поочерёдно ходили «калымить» в экспедицию к геологам. Чистили шурфы-ямы для обзора пород и правили реперы-ориентиры для картографов. Наш путь обычно лежал по предгорьям сопок и болотам, где было тьма стариц, а скорее – бочагов. Это нечто вроде омутов. По малолетству, или скорее по не писанным таёжным законам из оружия официально нам давали «мелкашки» – ТОЗовки, а винтарь – карабин один на взрослого старшего группы. Мы записывали в «старшие» братьев Галсана или Се Чан Цина. Документы потребовали лишь в первый раз. Да и не всегда нам был нужен казённый ствол: они «мазали» из-за смены хозяев. От отчима здесь была немалая польза в получении патронов, да и карабина. А в «поле» (так называют геологи любую глухомань) «маслята» – патроны дороже золота.

Так что опекунам-родителям проблем от меня не было. А летом – тем более: тайга всегда была гостеприимной. Ко всему в партии геологов с пайком не бедствовали, да и нас не обделяли. Всегда были тушёнка, сгущёнка, галеты, сухой

спирт (для костра в дождь) и даже шоколад.

Поэтому мой замысел перекантоваться у «родственников» зиму-другую осуществлялся гладко, даже чересчур. Хотя километры по тайге и болотам, кишащим мошкой нельзя сравнить с пансионатом у моря на два сезона кряду. Мы же могли шабашить почти до снега, особенно, если приносили в школу справку от начальника геопартии. А уж с ними вопросов не возникало.

Глава четвёртая. Снова на этап

Дело того стоило. И вполне могло обойтись без «мокрухи» и суда вообще для него самого. По замыслу Мирона он может снять хороший вершок и сесть «в тенёк» по плёвой статье на год-два. Он, хотя и не вор в законе, но и не «шестьёрка». Так что зона ему «не запаadlo». Щербатый, наконец встретился со знакомцем по прошлой «зоне». «Скачок» – ограбление замыслили ещё до побега Зямы. Теперь его сосед по нарам по документам значился Семён Гуляев. Он вышел вчистую через геологов. Два года кормил мошку и обивал ноги о хребты и горные кряжи Забайкалья, зарабатывая подлинные документы – «ксиву». Бежал с «курсов парикмахеров» – так между собой зэки именуют лесоповал. В партии геологов труд был не намного легче лагерного. Только здесь не было конвоя. Зато впереди ждала вольная ВОЛЮШКА. И вот она, родная, совсем рядом.

Зяма, он же Семён по документам, устроился охранником-инкассатором на завод. Отмотал срок вчистую и почти с «половья» по УДО (условно-досрочно) и рекомендацией на трудоустройство. А уж что такое охранять, Зяма знал доподлинно. Зарплатишка не ахти, но он ждал Щербатого. А уж потом.... У него уже всё было готово. Напарнику достал ТТ и глушитель к нему. Обычно в поездках инкассаторский мешок был в руках Гуляева, как наиболее внушительного по

виду охранника. Так было и в день ограбления. План составили Ещё в зоне, сидя на шконках (койках» в бараке.

Он был элементарно прост: при повороте в промзону, где шумов было предостаточно, в условленном месте Мирон должен был прострелить из укрытия передние колёса и уложить водителя. Зяма же из табельного пистолета ПМ лишь ранит второго охранника и заберёт ствол. Забирать решили только мешки с крупными купюрами. Уходить надумали с Зямой вместе на угнанной Щербатым машине. В неё же забросили инкассаторские мешки. В багажнике припасли рюкзак-горбовик под деньги при перегрузке.

Только для себя Мирон решил немного иначе. Но с куда большей прибылью для НЕГО ОДНОГО. И сразу же после выстрелов по колёсам Щербатый поймал на мушку водителя. Метил в грудь справа: всё не убийство! В случае поимки не дадут вышака-расстрел. А Зяма, как основной соучастник в его планы входил... мёртвым. Именно так Мирон и поступил: едва севшему в машину, новоявленному Семёну Гуляеву всадил в бок две пули.

Зяма в недоумении успел лишь прохрипеть: «Ты что, падла, Мирон, мы ж с тобой... а ты мне.... Убьёшь, сука? Свези куда, но дай жить!.. – Но, как бы в ответ, Мирон заботливо подоткнул под подельника припасённые тряпки: «Ну и кровушки из тебя! Жаль, не в бегах! Хорошую консерву заварганил бы... Отъелся-то на воле! А кто меня учил, что скачок тогда верняк, когда свидетель один-сам!» С этими словами

он свернул в глухой переулок, одел на голову Зямы мешок и выстрелил в висок: «Так-то лучше будет!» Труп уложил вдоль сидений сзади. Кроме гаражей впереди ничего не было.

Посчитал выручку в сумках. По душе сладостно прошла волна блаженства: «Вот это фарт! Ай да Щербатый! Теперь только не фаршмануться, сделав всё, как задумал!» Мелкие купюры в третьей сумке считать не стал: «Жадность фраеров губит!» – прописная истина в деле. Крупные ассигнации вытряхнул в «горбовик», аккуратно уложил. Места в рюкзаке хватило. Откинул передние спинки и перекатил подельника на сиденье за рулём. Достал из багажника припасенную пятилитровку расхожей спиртовой смеси для мытья окон. Осмотрелся: кругом никого. Этот глухой тупичок с сараями-гаражами в конце он подыскал по своему плану. Да и смесь купил для отвода глаз: нет запаха бензина.

Машину уже могли искать, хотя вряд ли. Но и тут рисковать Мирон не хотел. Вышел на грунтовку, почти заросшую травой и огляделся: никого. Только зудели навозные мухи и копошились поодаль воробьи. Развернул Жигуль задом к ближнему бесхозному гаражу: будто из него хозяин выехал. Зяму «распеленал», умыл лицо смесью и поудобнее усадил за руль. На колени положил инкассаторские сумки: пустые и с мелкими купюрами. Окровавленный мешок положил сверху. Облил Семёна с головы и улыбнулся: всё как по церковному обряду обмываю! И обильно смочил ещё и тряпки: не

сразу дадут дымное пламя. Открыл все двери, чтобы не было взрыва. И кинул тлеющую тряпку в салон. Смесь загорелась весело, с синим пламенем.

Щербатый прихватил рюкзак с деньгами и исчез в узком проходе между сараями. Всё!! Теперь на трамвай и к автостанции. Его никто не опознает, свидетелей нету. А горбик за спиной-обычное дело грибников и рыбаков. Он целил побыстрее попасть к схрону за городом. Вобщак, как того требует воровской закон, он нос совать не будет: пронюхает о деле братва-посадят на перо на первой же правилке – разборке. Адвоката он нанял сразу после отсидки: мало ли, мол, глядишь и сгодится со временем. Только не забудь, дядя, коли что...

А теперь в кабак на отвальную! Делает шумную драчку с вилкой в жо... И по хулиганке на зону. По рецидиву дадут как прокурор запросит и адвокат скостит. А там уже как подфартит: на «Белого лебедя», а то и «курсы парикмахеров» – лес валить. Но расслабился Мирон не в меру и вилкой ткнул туда, да не тому: молодому сержанту, дежурившему при ресторане. Вот и нарвался сдуру на срок «с отягчающими при сопротивлении». Мысли в голове Щербатого спотыкались о статьи Уголовного кодекса. «А ведь могут припаять и покушение на жизнь... Господи, да ведь это та же вышка! А может адвокат сведёт всё к оскорблению при исполнении... а за вилку Мирон даст и неплохо.

Обоим даст. Только бы не строгача-оттуда побег труднее.

Хотя не убегают только из могилы – это известно. А адвоката он запросит сразу». Суд, СИЗО, – всё как в кошмарном сне. Следак попал копчёный, сразу начал раскалывать на «непонятуху». Прессовал до последнего. Пробовал даже и его фактическое дело вломить. Но прямых улик не было. «Это тебе не петуху фуфло рвать, я тебе не фраер, а вор!» – Думал себе Щербатый. Прокурор паял солидно и далеко. Мирон «кался», просил «о снисхождении» суд и прощения у сержанта. Это всё насовествовал адвокат. В конце концов суд дал за хулиганку с прицепом и строгача по рецидиву. Только знал Щербатый, что по отсидке трети срока, его переведут на «общак». Значит на «курсы парикмахеров». А оттуда и дёрги сделать можно.

И вот он катит по этапу в «места не столь дальние», но до боли знакомые. И только колёса отстукивали: «Ты-ты влип! Ты-ты влип! Влип надолго! Влип надолго!» Но по мере приближения конца этапа, Щербатый отошёл нервами от изрядной промашки: срок ему всё-таки дали четыре года, хотя с надеждой на общий режим с «половья»(половины). Адвокат своё сделал, за что и получил. А через него и сержантик за царапину вилкой в жо... Семёну даже стало смешно: отсидка «жопа за жопу». Так что ещё и в героях походит на зоне.

Глава пятая. Без документов и в тайге тяжко

Мы с Толяном не чуяли под собой ног: приехавший большой начальник, от экспедиции, сам Битюцкий Кирилл Эрнстович и обещал нам протеже в горно-добывающий техникум без экзаменов, да ещё с повышенной стипендией. Хотя дружбан Толя мечтал о железнодорожном техникуме. Там, у себя в Китае, таких спецов мало и им хорошо платят, целую кучу юаней.

Шла третья послевоенная пятилетка. Страна напоминала деревню после пожара: строили всё и везде. Даже зверьё побегало куда подальше от вездесущих геологов. Самые глухие горные участки Восточной Сибири, прозываемые урманом, втихую делились между беглыми зэками и разведчиками недр. И чаще делали вид, что не замечают друг друга. Хотя такой паритет не всегда вытанцовывался. Как говорят: голод не тётка. Но тот, же зэк вряд ли засветится в гражданской зоне обретения за покупкой хотя бы патронов и соли.

А вот геологи нередко обращались к беглым людишкам за помощью в разгар «полевого» сезона. В тайге не расклеишь по листовкам объявления кадровика о приёме на работу. Да и в городе чёрта лысого кто пойдёт ишачить в сопки даже за самые длинные рубли. А беглые людишки худо-бедно за сезон на «полях» зарабатывали полную отмазку (обретение

документов) по «ксиве». Это были очень серьёзные и обязательные к приёму документы. Там обстоятельно значилось нечто наподобии: что ИМЯрек «В результате горного обвала, сноса половодьем в ущелье, пожара в тайге, схватки с медведем или горным селом при землетрясении, утратил документы на имя... подтверждаем..., такие-то». Так что игра стоила свеч. В открытую уголовники НИКОГДА не конфликтовали с местными. Но любой житель малых селений знал назубок ЗАКОН ТАЙГИ, где медведь – прокурор, а черпак – мера.

По нему, встретившись среди глухомани сопок и болот даже с соседом по улице, не рискуй оставаться с ним один на один. Всё просто: тайга скроет любое самое ужасное святотатство. А коварней человека, как известно, зверя не бывает.

Глава шестая. Охота накануне

Весна была настолько дружной, что многим, в том числе и моим родственникам, пришлось распрощаться с огородами. Текущая через посёлок Олонгрушка, едва вынырнув из-под снега, взъярилась сверх положенного ей статуса горной речки. Быки железнодорожного моста через неё круглосуточно держали на тросах приехавшие танки. Солнце своей раскалённой грудью прильнуло к горным хребтам, сопкам и бесчисленным болотам. Обнажились озерца-окна среди громадных кочек. Колышущийся на них сухостой скрывал человека в этих болотных джунглях с головой.

Казалось, что об эту пору живность можно было добывать даже сачком. Кругом щебетало, пищало, заливалось трелями и гоготало на все лады. Сами сопки казались мертвецки пьяными, качаясь в прямом от запаха багульника мареве. В небе трепыхались жаворонки и другая многочисленная мелочь: каждый по-своему прославляющий приход лета. Здесь, в краях вечной мерзлоты, весна длилась по времени цветения багульника. А то и меньше. Их аромат заставлял петть самую чёрствую душу. Все радовались весне и просто друг другу. На залысинах сопок полыхали кумачом саранки. Дикая чеснок черемша восполнял с лихвой витаминный стол, как у людей, так и у зверей. Таёжные пожары и болотные палы раскаляли и без того дышащий зноем воздух.

Ревел, перекатывая огромные валуны, Амазар. Его исключительно прозрачные воды сметали скатившуюся муть таких речушек, как Олонгрушка. Устья десятков ручьёв-рек манили к себе рыб скоплением микро и макроорганизмов вперемешку со съестными отходами. Известно, где рыбы – там тьма рыболовов. А это люд особый. У забайкальских рек – народ серьёзный и азартный. Их не манят тихие заводи, кишащие мелочёвкой и рыбным «мусором». Они чаще на перекатах ловят хариуса, а уж «медвежатники» – рыболовы выходят на тайменя. А это «сурьёзная» рыба и баловства не терпит. Одно то, что средний вес рыбыны – гигантского лосося от 15–20 килограммов и до центнера. Размером такие особи бывают до полутора метров и более.

Вода в реке ледяная и её поток неимоверно быстр. Сорвавшись где-то в высокогорье валун весом до тонны, а может и тяжелее, катится с верховий по каменистому дну десятки, а то и сотни километров. Этот осколок, перемещаемый бурным течением порой годами, превращается в валун. И завершается эдакое путешествие на одном из перекатов реки. Бывало, что мирные рыбачки на хариуса разлетались брызгами от выкатившегося из глубины на перекат чёрного булдыгана. Здесь его уже поджидали десятки не менее внушительных собратьев. И обкатанный гранитный «турист» либо составлял им компанию, отдав ударом энергию поджидающим «коллегам», либо катил восвояси, одолев водную грядку.

Такие камни в Амазаре не редкость. А выкатившись на

обозрение, они накалялись на солнце, как блинная сковорода. С этого момента жизнь горного бродяги обречена. Его доконают стихии: ледяная вода гор и жар солнца. Так что пользуются его услугами едва с сезон-другой ловцы тайменя. Он служит для них пристанищем-якорем. Тай-меня чаще били острогой. Но настоящая охота на красавца-великана велась со спиннингом. Попавшийся на блесну, таймень будет мотать по речке вдоль, поперек и обратно. Временами, делая футбольные финты с рывками. Такие фортели могут стоить жизни, ежели удилище спиннинга не закреплено надёжно. Бывали случаи, что к берегу прибывало лишь тело обглоданного горе-рыбака с обмотанной на руке леской с привязанной острогой. Чаще это были беглые зэки. Поди-узнай! Для них голод и вовсе не тётка!

Жара становилась невероятной. Особенно в котловине из гор, где расположился посёлок Могоча. Огонь шёл гудящим валом пламени, подминая перелески и возрождаясь мигом по другую сторону сопки, катясь прямиком к крайним избам. Это повторялось ежегодно, и аборигены действовали, не особо оригинальничая. Они вырубали (или выжигали) траву подальше от домов, упреждая огонь. А во время покоса не давали соседствующим травам цвести и плодоносить. Так что пал замирал, чуть ли не в километре-полтора от жилья и прочей цивилизации. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Но тайга и урман полыхали по своим законам. Здесь властвовали грозы, ветры и дожди. С них всё

начиналось, ими же и заканчивалось.

Палы в этом году пока не тревожили. По всем канонам идти на охоту было рискованно. По вершинам гор перекатывались презлющие свинцово-чёрные тучи. Ветер их переталкивал через хребты туда-обратно, как бы представляя первенство грозового катаклизма одной из сторон. Туч становилось катастрофически много. Они ворчливо соединялись, оскаливаясь блеском молний. И, если ещё вчера вечером облака кочевали у вершин сопок, то уже с утра они начали натиск на могочинскую котловину. Сухие молнии вполне могли зажечь тайгу и болотный сушняк. Ночные всполохи гроз озаряли едва не половину неба. И стоял невообразимый грохот громов.

Вот уже вторую ночь мы с моим другом-китайцем провели в тайге. Возвращались домой с надеждой на удачу утренней охоты. Наш кобель-лайка Шайтан посматривал на нас из-под своих мохнатых бровей почти предосудительно. Уж он-то чуял, что не будет нам (и ему) поживы: надо поостеречься большой беды. Пока мы завтракали «вторым фронтом», (так по старинке называли в экспедиции тушёнку) Шайтан крутился подле, нервно лая. Предостерегал умный и опытный пёс о надвигающейся стихии. Практически все шурфы, канавы, что были в задании, мы прочистили. Поправили реперы. Можно и поохотиться.

Но вдруг таёжную тишину разрезал громкий отчаянный детский крик. Голос доносился от только что очищенного

шурфа. «Заяц!! Это заяц в наш шурф попал!» – крикнул Толя и с Шайтаном рванулся к яме. С ТОЗовкой наперевес подскочил и я. Да, действительно, в глубокую яму-мешок попал заяц. Закраины шурфа были сплошь остроконечные сланцы. Животное, стремясь освободиться, уже поранило лапу, но тщетно. Верещал ушастый, чувствуя холод смерти. Невольно сжималось сердце от этого поистине крика ребёнка. Я отложил ружьё и наклонился в яму. Бедняга от страха даже не защищался лапами, как это обычно делают зайцы, упав на спину. Я крепко взял косого за уши. Это была молодая самка.

– Толя, это же молодка! Не могу я её стрелять...

– А ты и не стреляй. Пусть плодится. Она ещё в этом году пару помётов сделает, да десяток-другой зайчат народит. Отпускай!

И я без сожаления, даже с радостью отпустил зайчиху. Та, видно не веря в своё освобождение, секунд пять сидела подле меня. А опомнившись, метнулась в чащу. Чего уж там, смекнули и мы: сегодня нас фортуна обошла.

– Толя, ты посмотри, что за презент нам оставила молодуха!

У моих ног лежала свеженькая кучка заячьих орешек. Так вот чего она задержалась у моих ног!

Зато непогода всё больше угрожала разразиться вовсю ширь открывшегося небосвода. Ветер угрожающе заскрипел вековыми лиственницами. На все лады испуганно кричала

таёжная живность, ища укрытия. Тучи чёрными валами выкатывались из-за гребня сопок и тут же ощеривались молниями. Но пока это было далеко и раскаты грома едва доносились.

Тщательно загасили, залили костёр. Мы его всегда разводили в ложбинке и обязательно после того, как находили воду. В горной тайге вода часто почти под ногами. Хотя нередки были случаи гибели людей от жажды. А и делов-то было расковырять пласты камня-сланца. Лопатой его не возьмёшь. И доставали воду как бы методом кроссворда: отковырнув пластину камня послабже. Затем далее, найдя трещину. А на глубине до полуметра, и это почти обязательно, вдруг заструится свежайшая вода. Влага не иссякнет суток двое. Потом уйдёт в другие каналы-трещины.

Собака – лайка Шайтан в семье китайцев Се Чан Цинов была как бы на равных. Без собаки охотник в тайге слепой и глухой. Ещё дома красавец пёс предчувствовал, а может и провоцировал охоту дня за два, а то и раньше. Но не любил Шайтан на охоте соседство других собак. На природе он всегда чувствовал себя хозяином. Нервничал, если охотники не понимали его с первого раза.

По сути, налегке, рассчитывая подстрелить уток в озёрах среди зарослей-кочек, мы резво направились в сторону паровозных гудков станции. Это был верный ориентир, изрядно искажаемый эхом среди гор. Хотя я до сих пор удивляюсь: как можно заблудиться в тайге! Сечанцин и его род

вообще считали эти края родным домом. А кто же блуждает в родном доме? Считалось, что если, переночевав в тайге, – ты возьмёшь верное направление, то такому компас ни к чему: так, – городская игрушка, не более.

Вышли к болотам, значит, к вечеру будем дома. Во всю ширь обозначилось небо в явно близких теперь грозовых тучах. Не миновать палу, а то и большому таёжному пожару. «Винтарь», то есть карабин, был у нас один. Зато «мелкашек» в виде «Марголина» и ТОЗ-8 – две. Брат Толи Юн Су или Юра по-нашему был едва не чемпионом чего-то по стрельбе из мелкокалиберного пистолета. Один – «Марголин», тренировочный, Юра хранил в специальной деревянной коробке со всем специмуществом к нему. Другой же, послевоенного выпуска, он брал на охоту. Потом стал давать его младшему брату. Причём делал это, когда ему и десяти лет не было. Много братья рассказывали о конструкторе пистолета с мировой славой, изобретателе чудесного спортивного оружия. Такому не было аналога в мире. Но самое интересное и трагичное в этой истории – сам конструктор: он был совершенно слепой и практически безграмотный. Все расчеты конструктор делал и хранил в уме. Так вот и был создан ныне существующий пистолет Марголина – человека-легенды.

Шаман сделал стойку на кочке. Он нетерпеливо дёргал хвостом. Пёс не лаял, вопреки его природе, а как бы показывал лапами направление. Затаились: открылось оконце чи-

стой воды: бочаг. Совсем рядышком кормились утки. Посреди них крикал самец, с пятью утками. Не проворонить бы! Кровь стучала в ушах. Я вскинул ТОЗовку, Толя приготовил пистолет. Щелчки выстрелов из зарослей травы да при раскатах грома были едва слышными. Оставшиеся утки к нашему удивлению даже не взлетели. Дали ещё дуплет. Есть!!

И тут Шаман вдруг соскользнул в воду. И сделал это явно не случайно: он отвлёкся на нечто более важное. Но с виду попросту плюхнулся с мокрой кочки. И тут же поплыл за добычей. Всё равно оставшиеся утки взмыли над нами. Бить влёт из мелкашек себе дороже: не стенд с тарелками, чтобы зря жечь патроны. Грозовые валы были почти над нашими головами.

Глава седьмая. Побег первой пятёрки

Прошла война, а с ней и молодость Мирона за колючей проволокой. Лишь однажды, в далёком теперь 37-ом году он оторвался в жизни по полной. Тогда за ним уже значилась очередная отсидка причитающегося по суду срока семь лет строгого. Выйдя на волю мало чего знал о ней зек-рецидивист. А творился в стране по его понятиям беспредел от властей. Так что своими наколками старался не светить, хотя по воровским понятиям они были правильные. Как по малолетке, так и по добавочной судимости и попытке к побегу. Не все наколки сделаны по воле Мирона. Случалось, что накалывали и в пресс-хате с ведома администрации. Это был своего рода карцер для «обламывания» зеков, ставших на «отрицалово» к администрации. Наколки облегчали опознание при допросах: какой «масти» и за что сидел преступник. Так что по мере увеличения сроков на теле зека красовалась вся зонавская биография. К великому удивлению Щербатого стукачей на воле было безмерно много даже по блатным понятиям. Брали до удивления безвинных мужиков.

Так что Мирон вскорости получил срок, даже не по делу, а по доносу. Одно повезло: политику по 58-ой ему не шили. Но в итоге Мирон всё равно перекочевал на нары и вновь с кликухой Щербатый.

Для заключённых послевоенных лет 1947 года и позже на-

ступили исключительно тяжкие времена: именуемые переменами и реконструкцией всего пенитенциарного уклада. Среди самих осуждённых образовалась вражда по понятиям. Вскоре отдельные стычки переросли в откровенную «войну воров и сук». В лесных северных лагерях заключённые выживали в среднем 11 месяцев, включая время на этапирование. А такая статистика объясняла всё: отношение администрации к арестантам, бесконечные кровавые внутренние разборки между самими зэками и таёжный северный климат вкупе с голодным пайком.

При таком раскладе государство опрометчиво и бездумно теряло дармовую рабсилу. А уж о перевоспитании «оступившегося» осужденного и речи не могло быть. Следовало срочно что-то менять во всей пенитенциарной системе. И начали «менять» лагерную организацию общности содержания осуждённых на колонии. В таковых предусматривался раздел преступников прежде всего по режимности содержания в зависимости от преступления.

И опять полилась кровь. На этот раз как преступников, так и администрации лагерей.

Осуждённых делили, тусовали, перераспределяли, по мастьям, статьям, количеству судимостей и побегов. Зоновская тайга гудела от массовых бунтов недовольных заключённых. Едва в тайге потеплело, с первыми лучами мартовского солнца начались побегі. Они стали массовыми и дерзкими. Щербатый уверовал в свою звезду успеха: пришла его пора! Он

стал жить надеждой на ПОСЛЕДНИЙ побег. Намечал даже примерный путь через горную тайгу.

Он ловил каждое слово от вольнонаёмных, дубаков, контролёров: что скажут о местности. За зиму прикинул, что до первой речки на юг будет до пятисот километров. Далее если не столько же, если не больше до Лены с Олёкмой. Всего до Могочи около полутора тысяч «столбиков» – километров по горной тайге-урману. Даже по двадцать в сутки – больше двух месяцев. Еда, одежда, обувь и... волки.

Припасал соль, сухари, проволоку для крючков и силка, нитки. Трудности были с противогазом: резина с его маски годилась на рогатку. Сбить из неё белку, а может какую птицу по тихому куда сподручней и безопасней для беглеца, чем из ствола. Всё это Щербатый надёжно прятал. И никому ни слова: наступчат.

Ещё осенью перевели Мирона в карьер сеять песок. Здесь он был необыкновенно белый. И будто бы редкий какой-то. Но не песок давно интересовал блатного ээка. Здесь он прятал – курковал припасы. У него уже созрел план побега. Но чтобы успешно свалить и выжить, Щербатый подыскал и подобрал двоих ээков-кентов в соучастники.

Вор-рецидивист Спартак и вольный фраер Мопс стали его напарниками в самом карьере. Для задуманного дела они подходили почти идеально. Работавших наверху карьера двух грузчиков-кентов, принимавшие песок из вагонетки, тоже решили прихватить. По замыслу блатных, кенты могут

послужить «коровами». То бишь живыми консервами. Особенно до таяния снега и отрыва на приличное расстояние от неизбежной погони. Хотя бы на крайний случай голода, а он в зимней тайге неизбежен. Да и на зоне они ходили под Спартакoм шестёрками. По предложенному Щербатым плану побег станет возможным при очередном приезде «кума» — опера из управления для показательной «перековки» зеков.

Скиповая вагонетка поднимала по направляющим просеянный песок наверх карьера. Это было около сотни метров по вертикали. Трое зеков и двое охранников находились в карьере внизу при погрузке. Двое заключённых принимали груз. У них часовой был один: это уже на территории лагеря.

«Кум» решил управиться в начале марта. И его «выезд» с начальником колонии послужит сигналом к побегу. Как только объявят о сборе и конвойный прикажет следовать в зону, то те должны столкнуть его вниз. Одновременно карьерщики глушат и валят своих конвоиров. Забирают оружие, одежду и связывают всех живых. Закапывают в песок, оставляя живыми: всё не по мокрому!

Лишь заревела сирена, отвлекшая на мгновение надзирателей, как заключённые на них напали. Управились одномоментно, даже никто не вскрикнул. Связанным охранникам заткнули рты и зарыли по уши: сами не вылезут. Один долго скулил и просил не убивать. Не знали они, что им просто повезло. Лишь беглецы управились и переоделись, как наверху слышались выстрелы. Вор Спартак заорал: «Босяки,

мать вашу... рвём когти шустрее! Мопс, сыпь махру на след! Шнырь, прихвати фляжки у дубаков! Отваливаем, отваливаем!» С конвоиров сняли всё и сапоги в том числе. Забрали оружие, патроны. Выкопали припасы. Следы посыпали ядом для крыс и махрой. Уже убегая, зэки услышали новую канонаду выстрелов. Их это только приободрило: далеко.

Три автомата и ножи – этого достаточно для пятерых. Бежали на юг, не разбирая дороги: здесь не было даже звериной тропы. Хотя вскоре тропа появилась, но сзади них. Это шла стая приполярных волков, известных своей исключительной лютостью. Они не жаловали своих ослабших родственников и пришлых: все шли в пищу. Хищники могли за один приём съесть мяса более своего веса.

Глава восьмая. Индийский кровавый крант (Индийский крант – убийство бензопилой)

Не знали пока Щербатый и Спартак, что в этот день удался давно задуманный массовый побег. Его план хранили от стучащей паханы. Хотя немало заключённых было покалечено в пресс-хате: выбивали план побега. И никто из администрации не предполагал, что колонисты пойдут на явную смерть.

Из колонии бежало не менее половины зеков. Но даже по меркам того времени бунт был исключительно кровавый. Даже издававшие виды уголовники опешили от обилия крови. А произошло нечто страшное. Для проведения «профилактико-воспитательного» мероприятия колонну заключённых повели в тайгу на деляну. Предстояло действо, где центровой босяк, именитый вор Лоб будет катать баланы (валить лес) на лесоповале как рядовой мужик. Колонны шли молча, в рваную обувь набивался мартовский снег. Рядом шли конвойные, десятники. Опер и «хозяин» ехали верхом. Рядом с лошадью «кума» шёл блатной зэк для «перековки», Между ними шла как бы непринуждённая беседа.

Как и раньше, в ходе таких визитов «перековывали» воров в мужиков. Эти мероприятия не вызвали хороших эмоций как у осуждённых, так и у администрации. Не редко они за-

канчивались либо скандально, а то и плачевно. Так что взвод автоматчиков с десятком собак завершали колонну и вовсе не веселили арестантов. Но ТАМ, наверху, требовали резко повысить «уровень воспитательной работы» на местах. И, конечно же — «искоренить воровские каноны напроочь». В такие дни практически все от вертухая до шныря были обязаны присутствовать перед «кумом» на плацу.

Но чаще сцены перековки устраивали прямо на деляне в тайге. Апофеозом в эдаком спектакле именитый вор должен «лучковать» листовенницу. То есть лучковой пилой, инструментом и вовсе столярным валить толстенную листовенницу при всеобщем обозрении. Для блатного это было верхом позора.

«Хозяин» двинул речь сам. Он перед выходом дёрнул хорошего коньячка и был в отличном расположении духа. Лагерные офицеры подъехали на санях. Инструмент везли на широкой телеге. Тут были пилы «Дружба-2» и лучковые для заключенных и топоры с бензопилами, багры для вольняшек.

При успехе операции начальнику колонии светила вторая звезда на погон и перевод из проклятой всеми богами таёжной зоны в пусть небольшой, но городок. Там ему вменялась степенная тюрьма для пересыльных. Его речь прерывал лай собак, как видно уже чуявших большую кровь. Толпа зэков образовала круг на деляне, назначенной десятником к вырубке. Внутри круга остались офицеры и начальство. Сзади

наизготовку рассредоточились автоматчики и конвой.

Испытуемому подали лучковую пилу, которой обычно работали арестанты-доходяги. «Лоб» – вор в законе брезгливо отбросил в толпу поданную ему пилку и сказал вызывающе: «Уж и зашкварить вора толком не можете! Дайте мне хотя бы «Дружбу два», да мы с кумом на пару вальнём ствол-другой! А то может бензопилу?!.. Так я до обеда норму дам!»

На что сам хозяин вальяжно махнул: «Десятник, дай Лбу бензовушку, пусть оторвёт класс лесоповала! При его-то стаже. Хе-хе...» И непринуждённо засмеялся. И без того кривое от шрама лицо у Лба передёрнулось в устрашающей ухмылке. Десятник подал блатному верзиле заведённую пилу. Тот подошёл к дереву, что рядышком с «кумом», газанул и широко размахнулся. Все замерли...

В следующий момент произошло страшное. «Не держать ментам масть на зоне! А вот вам индийский крант!!» На последних словах Лоб газанул так, что дым его окутал. Лишь видно было, как он вонзил бензопилу в живот кума. Мотор пилы на мгновение сбавил обороты и газанул вновь. Располовиненный опер упал по разные стороны. Губы беззвучно шевелились, а руки сжимали воздух и призывно взмахивали. Внутренности, вываливаясь, заблестели на солнце. С другой стороны дёргались в конвульсиях ноги в хромовых сапогах. От увиденного все были в шоке. Но в то же мгновение толпа заключенных с рёвом набросилась на автоматчиков и охрану от колонии.

Крики, стрельба, рычание собак слились в страшный гул смерти. Кровь летела во все стороны из отрезанных голов и распоротых туловищ. Автоматные очереди и одиночная стрельба постепенно замолкали. Поляна усеялась истекающими кровью трупами и умирающими. Добивали уцелевших собак и ещё сопротивляющихся охранников. В стороне стояли и жались в страхе вольнонаёмные.

Едва стихли выстрелы, Лоб и воры уже звали всех вооружаться и брать штурмом зону. Для сотен зэков оружия было мало: менее сотни стволов. Остальные прихватили штык-ножи. Заточки с тесаками были припасены ещё на зоне. Многих, чрезмерно впечатлительных рвало. Лоб торопил всех: «А ну, живее, братва, пока они не очухались!» Часть охраны и офицеры с собаками успели сбежать за колючку зоны и подняли в ружьё охрану на вышках, у полосы и всех оставшихся. Набиралось едва человек пятьдесят против вооружённой толпы сотни на три, а то и более.

Глава девятая. Штурм колонии

Урки бежали молча. Петухи (низшее сословие в среде осуждённых) и прочие шестёрки откололись и свалили на побег ещё там, в тайге, едва собаки начали рвать бунтарей. Прямо с опушки показались забор и вышки. Было слышно прокуренное сиплое дыхание бегущих. Вдруг те, кто был впереди, как по команде, в одночасье, поотстали. И под первые пули пулемётов с вышек у ворот попали арестанты мастью помельче. Заорал Лоб: «А ну, не дрефь, сявки! Дави сук! Патроны береги, по вышкам шмаляй!» От натиска толпы ворота распахнулись как ситцевый сарафан. Мартовская белизна снега обезобразилась грязной рванью убитых и свежей кровью. Раненные осужденные вопреки логики позли к воротам. Даже в предсмертном шоке надеялись на спасение.

Но до них не было дела никому. Зеки лавиной ринулись добивать администрацию. Слышались мольбы о пощаде, но их вытаскивали на плац, били в остервенении ногами и кололи штыками. Тут же раздевали, примеряя обувь, одежду...

Но большая часть уже громила продсклады и растаскивала еду, жуя спешно первое, что попадало. Зажгли огромный костёр и начали кидать туда спрятавшихся офицеров и вертухаев. Лоб заорал на карателей: «Придурки! Прохаря и лепни (сапоги и одежду) снимайте! Босиком дёрги делать будете?»

Нашли спиртное. Но Лоб предупредил блатных, чтобы не нажирались, а готовили жратву и шмутки на побег. Одиному офицеру удалось сбежать на лошади. А это было гарантией того, что к утру насядут войска из пересылки.

И, только стемнело, Лоб и другие паханы повели публику в тайгу, взяв для блезиру эков – «коров» на случай голода. Хотя он и бывшие в побегах паханы знали, что уйти вчистую от погони и облавы по ещё не растаявшему снегу почти невозможно. Большую их часть затравят собаками на вторые, максимум на третьи сутки. Вылетят «кукурузники» и выследят их по снегу в два счёта. Затем покрошат из пулемётов. Их спасение было лишь в опыте и знании тайги. Но уходить надо обязательно малыми группами по ручьям и речушкам б с самолета не видно следов. Многочисленные речушки начинали набухать водой, покрывая обледеневшие за ночь камни.

Сутки бежали без остановки. У многих не выдерживала рваная обувь. Паханы были при «колёсах» (обуви) и бежали безостановочно. Не успевшие переобуться по банальной причине пьянства остались в тюремной одежде с худыми кирзачами, а по сути почти босиком. Они умоляли воров поделиться награбленным. Паханы огрызались: «Вернись на зону и возьми! На складе-то много осталось, чего же не закурковал пару-другую. Отвали, сявка!» Следом за беглецами шли волки. Они сбежались на кровавую тризну из всей промёрзшей тайги. Часть их остались свежевать трупы и ра-

ненных на злополучной поляне. Но немало ринулось и за убегающими, повинувшись инстинкту охотников – догонять.

Ночью морозы заковывали льдом обнажившиеся днём ручьи. Снег покрывался острым настом. Окровавленный от порезанных ног снег жадно сглатывали хищники. Видя это, полубосые заключённые с ужасом предчувствовали свой конец. По одному, по два они выбивались из сил и с мольбой о помощи пропадали во тьме. Следом лишь слышался грозный рык серых разбойников и душераздирающие крики заживо разрываемых на части беглецов.

Так что утром, ещё до рассвета разошлись малыми партиями: каждая по своему разумению. «Мужики» и «шныри» просили не бросать их, безоружных. По сути, с момента отделения, им был подписан смертный приговор. Смерть на воле... Здесь ни о какой взаимопомощи и речи не было. Тем более, что в небе пару раз услышали рокот самолёта. Значит погоня началась по полной программе. Искать будут днём по следам и ночью по кострам. Не увидят самих заключённых, так обратят внимание на следы сбежавших, либо волков, идущих следом. Хищники преследовали их почти по пятам. Лишь когда выбивался из сил очередной зэк, – серые делали «перерыв на обед». К концу недели Лоб и четверо подельников по побегу случайно вышли на след Щербатого.

Это было у горной речушки Марха. Сразу сообразили, что не облава: не лаяли собаки. Расположились под скалистым берегом в подобии пещеры. Развели костёр. Лоб рассказал

про «перековку» и «индийский крант» с кумом. Щербатый и Мопс выпили припасенную гостем бутылку. Почти не опасаясь краснопогонников, они подбросили сухих веток потолще, развели жаркий костерок в небольшом гроте под скалой. Тут же сделали сходняк, где порешили освежевать «корову». Им должен стать кент Щербатого. Мужик, догадавшись о своей участи, было выскочил из пещеры и дал дёру. Обречённого в прыжке настиг и оглушил зэк – «боец» из блатных палачей. Это был Мопс. Жертву оттащили к речке. Очнувшись, приговорённый громко просил о пощаде. Щербатый выматерился: «Мопс, твою мать, не дави косяка! Глуши кента!»

– Щербатый, братан, канай сюда: волки!

Мирон выскочил из пещеры и передёрнул затвор автомата. Но увидел, что стрелять поздно: волк вцепился в толстый загривок Мопса и можно попасть в него. Дав короткую очередь по стае, вор выхватил нож. Лишь после третьего удара серый разжал челюсти. Труп бросили отступившим в тайгу хищникам.

Зарезанного зэка освежевали. Разлил кровь жертвы по фляжкам, что сняли с конвоиров. Уже немного погодя ели молча жаренное на костре мясо. Ели с остервенением, уподобляясь волкам. Смотрели друг на друга из-под лба: кто следующий? В пещере наступило молчание. Слышалось лишь чавканье зверски голодных стервятников. Наевшись, поделили остатки мяса и кровь, одежду и патроны. Было на-

чали делиться планами, когда перейдут речку Марху. Хотя каждый из них знал, что услышанное – не более, чем туфта.

Утром, едва в пещерку проник свет, как Лоб и Щербатый увидели, что остались втроём: их двое и ... зарезанный Мопс. Его кто-то из оставшихся в живых мужиков ночью зарезал. Конечно же это было дело рук Спартака. Они ещё на зоне не корешились. Знал и Лоб, что Мопс «сухарь», то есть выдаёт себя «не в масть», не за того. Поэтому и стал бойцом в пресс-хате, где уродовали зэков на активном расколе (допросе).

И Мирон взял при дележе из общака ещё рожок патронов и «консервы» с «коровы». Теперь на «консервы» пошёл Мопс. Останки от его туши кинули волкам: «Доедайте, суки, зоновскую суку!» Ладные хромачи (разношенные!) Мопса достались по дележу Щербатому. Клифт – новый ватник отошёл Лбу. Уговорились встретиться на воле, коли доведётся выйти живыми. Привалив камнями костёр, чтобы не видно было сверху. Отсюда разошлись по одному. Щербатый и Лоб лишь посмотрели друг на друга молча. И каждый захрустел утренним настом уже порознь. Щербатый пошёл правым берегом Марухи: её русло облегчало путь. Он шёл по-над берегом и на юг. Русло не давало сбиться. Добраться бы до Вилюя... Ориентировался по солнцу днем и Полярной звезде ночью. Впереди с тысячу километров по прямой, а по горам и замёзшим пока болотам и того более. Из них, около пятисот до Лены. Выкинул первые износившиеся кирзачи и переобулся в хромовые.

Автомат избил спину и он его то и дело перебрасывал на грудь. Волки тоже разделились: двое увязались-таки за ним. Присмотрев удобную скалу, Мирон скрылся за ней. Волки не видели, как он вскинул автомат и поставил на одиночный выстрел. Они почти столкнулись. Выстрел отозвался в тайге громовым раскатом. Испугавшись, Щербатый присел и огляделся. Прислушался, но в ушах стоял лишь собственный звон. Шёл двадцатый день побега. Теперь он уверовал в свою неуязвимость. В тайге ощутимо потеплело. Вор шел больше ночами: не так холодно и видно «Ковш» на небе. Ко всему волчьи глаза светились в темноте.

Днем спал украдкой, держа оружие наизготовку. На второй день Щербатый понял, что просто отстреливать волков – себе дороже. Убитого съедали его компаньоны по стае, а на кровь стервятников сбегалась тьма-тьмущая других. Было ясно, что он жив, пока есть патроны. Патроны убывали не по дням. И он стал отбирать на съедение очередного волка. Делал это, разведя костёр. Пристрелит ближнего, а пока те отскочат, забирал добычу. Кости, шкуру сородича звери жрали с особой злостью, поглядывая на свою потенциальную жертву огненными глазами.

Глава десятая. Жить – значит реки переплыть

Ел волков, рыл муравейники. В подтаявших ручейках-речках пытался ловить мелких рыбёшек, но здесь удача не баловала его. До середины мая Мирон рассчитывал перейти Вилюй и Лену. На проталинах рвал дикий чеснок-черемшу. Экономил спички: одна-две в день. Приходилось больше идти днём: под снегом были провалины с подтаявшим снегом. После них надо было сушиться, что не всегда получалось. На день прилаживал поверх обуви волчьи шкуры, ночью спал на них. Но невыделанные они почти сразу ломались на морозе. Вырезал сосновые лапоступы на таёжный манер, когда ломаются лыжи.

Порвалось две резинки с противогоза: рогатка из них здорово выручала. Кончалось замороженное ночами волчье мясо. Чтобы не терять счёт дням, начал делать надрезы на прикладе.

Всё более закраины берега поблёскивали водой и приходилось продираться урманом по над берегом. Он снял шинель и сделал из неё скатку: идти даже в одной фуфайке стало жарко. Но ночью было всё ещё морозно. Щербатый исхудал, как гончая собака. Ноги за день ходьбы гудели от усталости. Не раз он засыпал на ходу и его едва не загрызли волки. Помог нож, что всегда был под рукой на поясе. Он внезапно

очнулся, когда зверь уже лизнул упавшего в предвкушении трапезы. Зэк полоснул острым лезвием по горлу наклонившегося над ним волка. Тот было отпрыгнул в агонии назад, заливаясь кровью. Но был сбит навзничь и разорван двумя другими. Сон пропал почти на двое суток: перед глазами мерещилась оскаленная морда хищника. Беглец вслушивался в каждый шорох весенней тайги, всматривался в чащу до боли в глазах, но стояла почти умиротворяющая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.